

Научная статья

УДК 94(470+479.22)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.12>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ГРУЗИНО-РОССИЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Юрий Семенович Сулаберидзе

Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили (д. 1, пр. Ильи Чавчавадзе, Тбилиси, 0179, Республика Грузия)

Кандидат исторических наук, профессор

iuri.sulaberidze@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2839-0039>

Аннотация. Введение. Современная история грузино-российских отношений отмечена рецидивами «холодной войны». Прошла разделительная линия между народами, обладающих многовековой историей взаимоотношений. В статье анализируется комплекс причин, вызывающих взаимное недопонимание между государствами и народами, внесших значительный вклад в развитие мировой цивилизации. Отмечено, что на современный процесс грузино-российских отношений значительное влияние оказывает «наследие прошлого», его интерпретация представителями интеллектуального сообщества, правящих элит. Показано, что, помимо этого, значительное влияние на грузино-российский диалог оказывает и «глубинная культура», сохраняющая цивилизационно-культурные пласты вековых взаимодействий. **Материалы и методы.** Работа основана на принципах историзма, объективности, научности, сравнительноисторическом методе, культурно-цивилизационном подходе к анализу истории грузино-российских отношений. Статья написана на основе архивных материалов Центрального исторического архива Грузии, сохраняющие «историческую память» зарождения и развития грузино-российских отношений. Дается также критика современных интерпретаций в исследованиях грузинских историков. **Анализ.** Анализ современных исследований показывает, что история грузино-российских взаимоотношений подверглась значительной ревизии, трансформации, доминирует идеологема негативизма в восприятии отношений. Ударение делается на имперской, колонизаторской политике Российской империи, периода СССР, а также современной России в отношении Грузии. Создаются политические мифы, политизация истории вычленяет негативные стороны взаимоотношений, создает препоны на пути поиска «диалога культур». Тем самым игнорируются те цивилизационно-культурные пласты, которые создавались веками взаимоотношений. **Результаты.** Автор утверждает, что преодоление политических мифов позволит создать условия, которые обеспечат нормализацию отношений между странами, вернут России роль духовного медиатора в кавказском регионе, а Грузии достойное место в сообществе демократических государств Кавказа.

Research article

Ключевые слова: грузино-российское взаимодействие, наследие прошлого, историческая память, культурно-цивилизационные пласты, духовный медиатор

Для цитирования: Сулаберидзе Ю. С. Историческая память и диалог культур в контексте грузино-российского взаимодействия // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 515–519. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.12>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 23.08.2024.

Статья принята к публикации: 25.09.2024.

HISTORICAL MEMORY AND THE DIALOGUE OF CULTURES IN THE CONTEXT OF GEORGIAN-RUSSIAN INTERACTION

Yuri S. Sulaberidze

Javakishvili Tbilisi State University (1, Ilia Chavchavadze Ave., Tbilisi, 0179, Republic of Georgia)

Cand. Sc. (History), Professor

iuri.sulaberidze@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2839-0039>

Abstract. Introduction. The modern history of Georgian-Russian relations is marked by relapses of the Cold war. The dividing line between nations has passed, with a centuries-old history of relationships. The article analyzes a complex of reasons causing mutual misunderstanding between states and peoples, who made a significant contribution to the development of world civilization. It is noted that the modern process of Georgian-Russian relations is significantly influenced by the legacy of the past, its interpretation by representatives of the intellectual community and the ruling elites. It is shown that in addition to this, deep culture, which preserves the civilizational and cultural layers of centuries-old interactions, also has a significant influence on the Georgian-Russian dialogue. **Materials and Methods.** The work is based on the principles of historicism, objectivity, scientific character, a comparative-historical, cultural-civilizational approach to the analysis of Georgian-Russian relations was used. The article is written on the basis of archival materials from the Central Historical Archive of Georgia, which preserves the historical memory of the origin and development of Georgian-Russian

relations. Criticism of modern interpretations in the studies of Georgian historians is also given. **Analysis.** The analysis of modern research shows that the history of Georgian-Russian relations has undergone revision and transformation, the ideologue of negativism dominates in the perception of relations. The emphasis is on the imperial, colonialist policy of the Russian Empire, the period of the USSR, as well as modern Russia in relation to Georgia. Political myths are created; the politicization of history highlights the negative aspects of relationships and creates obstacles to the search for a dialogue of cultures. Thus, those civilizational and cultural layers that were created over centuries of relationships are ignored. **Results.** The author argues that overcoming political myths will create conditions that will ensure the normalization of relations between countries, return Russia to the role of spiritual mediator in the Caucasus region, and Georgia to its worthy place in the community of democratic states of the Caucasus.

Keywords: Georgian-Russian interaction, historical memory, heritage of the past, cultural and civilizational layers, spiritual mediator

© Сулаберидзе Ю. С., 2024

For citation: Sulaberidze YuS. Historical memory and the dialogue of cultures in the context of Georgian-Russian interaction. *Humanities and law research*. 2024;11(3):515-519. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.12>

Введение. Актуальность темы грузино-российских отношений вызвана их напряженностью, противостоянием государств, неразрешенностью ключевых интересов на современном этапе взаимоотношений. Цель работы раскрыть причины конфликтов на ментальном, идеологическом уровне, показать различное восприятие «исторической памяти», найти пути преодоления противоречий на основе культурноцивилизационного метода.

Материалы и методы. Источниковую базу работы составили архивные материалы, извлеченные из Центрального исторического архива Грузии и современные исследования по истории грузино-российских взаимоотношений. Затронем ряд вопросов, которые актуальны с позиции грузино-российского взаимодействия: в какой степени «историческая память» влияет на восприятие современных отношений? Как архетипы влияют на создание политических мифов, чем это обусловлено? Отметим некоторые особенности грузино-российского диалога культур, влияния на этот процесс «наследия прошлого», исторической памяти. В историографии проблемы взаимоотношений культур России и Грузии рассматриваются с позиции взаимодействия, диалога цивилизаций. Одни ученые считают, что «в основе близости России и Грузии лежит общность евразийской двусторонности их социокультурного бытия», другие подчеркивают «западную ориентацию» грузинской культуры, и в этой стратегии Россия предельно выполнила «роль духовного медиатора». Отмечается позитивность культурологической альтернативы. Есть и другие точки зрения. Согласно одной из них, отмечается роль маргинальности и окраинности грузинской культуры между Западом и Востоком, что, по мнению автора, «смягчало опасность потери собственного культурного лица в процессе контакта с этими двумя мирами». Часть ученых относит грузинскую культуру к особой кавказской культурцивилизации [11, с.11, 1617, 29 – 31]. Проблемы диалога культур зависимы от интерпретации исторической памяти, от ее восприятия как восприимчивым, так и реципиентом. Каждый народ обладает своим присущим ему типом восприятия, определенной социальной установкой, которая определяет способности эмпатии, восприятия «другого».

Анализ. Природа «исторической памяти» Грузии тесным образом связана с сущностью грузинской культуры, с ее организмом восприятия «иной культуры». Современный исследователь грузинской культуры Г. Нижарадзе в рамках культурной антропологии выделяет малые группы (расширенная семья, дружеский, родственник круг знакомых), на которые ориентирована грузинская культура коллективистского типа. Ориентируясь на терминологию Э. Фромма, культуропсихолог подчеркивает материнский («матримональный») тип грузинской культуры, который в социальной жизни вырабатывает стратегию избегания поражения. В любом поражении обвинение звучит в отношении внешней силы (выделено нами – Ю.С.) [8, с.101–102].

Проблема диалога культур тесно связана с парадигмой «исторической, культурной травмы», вызванной столкновением традиционной культуры с сильным противником, который предлагает или навязывает более

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests. The article was submitted: 17.03.2024. The article was approved after reviewing: 23.08.2024. The article was accepted for publication: 25.09.2024.

привлекательные ценностные, идейные, поведенческие альтернативы прежней идентификации. Это вызывает социокультурные конфликты. Они могут проявляться в различных формах: как конфликт интерпретаций, как нормативноценностный конфликт, как цивилизационный конфликт. Конфликт интерпретаций характерен для постсоветской культурно-политической истории, когда одни и те же исторические факты служат предметом различной интерпретации в силу идейно-политических позиций сторон современного политического процесса. При этом характерны две тенденции 1) обращение к прошлому как орудию «удревления» собственной истории, доказательства их «исконности»; 2) отказ от «колониальных этапов истории», главным стимулом является новое прочтение национальной традиции в рамках дискурса деколонизации.

Присутствуют два основных посыла интеллектуальной элиты Грузии в расколотом обществе: 1) «исконной внутренней западности» культурно-исторического развития, 2) модернизации социума на основе незападной модели, отражающей особенности и специфику феномена.

Перипетии истории наложили определенный отпечаток на восприятие «другого», выработали определенную картину мира, которая основывается на корневых структурах жизнедеятельности. Ее факторы многозначимы: это природа, климат, психологический склад и менталитет этноса, нации, опыт общения с соседями. В общественном сознании обычно фиксируются знаковые моменты «наследия прошлого». Таковыми в исторической памяти являются – Георгиевский трактат (1783 г.), Манифест о присоединении Грузии (1801 г.), оккупации Грузии Советской Россией (1921 г.), «августовская война» 2008 года, которые являются ключевыми для различной интерпретации.

В исторической науке пробивает дорогу **культурно-цивилизационный подход** к исследованию исторического процесса, который позволяет снять рецидивы «холодной войны», односторонних интерпретаций сложных историографических фактов, к которым относятся процессы, связанные с историей Кавказа, в частности, Кавказской войны, колонизацией Кавказа Российской империей. Категории – «присоединение», «завоевание», «экспансия», «захвата» являются недостаточными, ирревалентными для объяснения тех сложных внутренних и внешних процессов, которые происходили с XVI – по XX век в отношениях между двумя сложными феноменами – Россией и Кавказом [4].

Видный русский кавказовед М.А. Полиевктов, научное творчество которого в полной степени не оценено в историографии, писал о том, что «отношения России к Кавказу не есть отношения, к какой-либо одной стране, они уясняются вполне лишь в контексте со всей сетью международных отношений на данное время – общая предпосылка истории международной политики». Колонизация Кавказа Россией связана, прежде всего, с внутренними проблемами развития Российского государства, с развитием мировых торговых связей, вызванных развитием капитализма на мировой арене. [17, л.21–22]. В этом контексте следует рассматривать и развитие российско-грузинских отношений. Те тенденции, которые возникли с конца XV в. во взаимоотношениях Рос-

сии с грузинскими царствами, определили появление традиционных практик, идеологическое оформление в виде стереотипов, ментальных образов восприятия друг друга. Для правителей Кахети, Картли, Имерети «Москва – как третий Рим» превращалась в центр спасения от мусульманского окружения, сохранения связи с Византийской цивилизацией, ее христианской культурой. Отсюда стремление получить покровительство наследника Византийской империи, восприятие Московии-России как культурноцивилизованного патрона, нового центра христианского мира.

М.А. Полиевктов так раскрывает особенности формирования грузино-российских взаимоотношений: «Существенно не то, что Грузия обратилась к России. Существенно выявить эту диалектику истории, в силу которой в грузинских господствующих классах возобладала русская ориентация, и в силу которой, с другой стороны, русский капитализм пытался в начале XVIII в. использовать эту ориентацию при своем наступлении на прикаспийские степи, и в начале XIX в. пошел на инкорпорацию Грузии» [18, л. 41].

Как подчеркивает ученый, «Теперь Россия наступала не клином, как было раньше в сторону Прикаспийского Кавказа, а во всю ширину Кавказского перешейка, заручившись поддержкой некоторых народов феодального мира Кавказа» [19, л. 48].

Некая утопичность восприятия Москвы объяснялась, по мнению З. Авалишвили, вдумчивого аналитика грузино-российских отношений, не пониманием тех «сложных геополитических интересов», которые стояли перед Россией, как империей на Кавказе и Ближнем Востоке. Апелляция только как христианскому центру не раскрывала всей сложной палитры стратегических интересов Москвы, которые и не должны были совпадать с интересами грузинских царств, боровшимися за выживание. Приведем в сокращении суждение З. Авалишвили: «Политика Петра I по отношению к грузинам – обыкновенная реалистическая политика, и, если грузины слишком наивно полагались на православие и верили в «борьбу с агарянами», то это потому, что у них элементарная борьба за существование легко принимала религиозную окраску, и она не имела возможности подняться до более сложных политических идей. Для этого им не доставало более сложных интересов» [1, с. 76]. В этом, может быть, была заложена основная коллизия взаимоотношений, которая определила различные акценты восприятия друг друга, породив «магическое сознание», мифологемы и стереотипы [13].

Если Россия и воспринималась в качестве патрона грузинских царств, до начала XVIII в. проводивших политику балансирования между Османской Турцией и Сефевидским Ираном, то переформатирование отношений в сторону пророссийского вектора еще не обеспечивало учета интересов страны, искавшей протектората.

В современной грузинской историографии доминирует точка зрения об ущербности пророссийской ориентации. Действия грузинских царей Вахтанга VI и Ираклия II называют «крупной стратегической ошибкой грузинских правителей», «подписание Георгиевского трактата было большим политическим поражением для Грузии, судьба Грузии была предрешена» [3, с. 42; 9, с. 360]. Такая позиция исключает панорамное исследование сложного внутреннего процесса, учета всего спектра международных отношений вокруг Кавказа. В советской историографии долгое время господствовала концепция «выбора меньшего зла», а затем к 200-ле-

тию подписания Георгиевского трактата ее сменила концепция «прогрессивности присоединения Грузии к России». Обе концепции представляли собой идеологемы в условиях острой идеологической борьбы с Западом.

В постсоветской историографии Грузии был восстановлен тезис советской историографии 1930 – начала 1940-х гг. прошлого столетия «о колониальном, захватническом характере русского капитализма в отношении Кавказа» [10]. В особенности после «августовской войны 2008 г.» тезис об «оккупации Грузии» стал аксиомой в историографии грузино-русских отношений. Стали доминировать фреймы «холодной войны», противопоставление культур-цивилизаций. Грузия, как часть «древнейшей европейской цивилизации», резко противопоставлялась евразийской, монголо-татарской: «Там варвары, а здесь другая цивилизация, там монголоидная брутальность и идеология, а здесь настоящее, колхидская Европа, древняя цивилизация» [13]. Некоторые исследователи полагают, что многие проявления идеологической борьбы в контексте грузино-российских отношений на современном этапе вызваны кризисом постколониального мышления, возрождением традиционных пластов исторического сознания после долгих веков имперского правления [16].

В связи с юбилейной датой подписания Георгиевского трактата (1783) в Грузии в 2022–2023 гг. вышли ряд монографий грузинских авторов, в которых этот важнейший документ, сыгравший ключевую роль в истории грузино-российских отношений, получил негативную оценку (Дм. Мерквиладзе, В. Гурули). Аргументы грузинских ученых вышеуказанных работ таковы: Россия нарушила статьи Георгиевского трактата, не выполнив свои обязательства по защите Картли-Кахетинского царства, преднамеренно ослабляя царство, чтобы впоследствии его оккупировать, лишив национальной независимости. Россия якобы всегда выступала, как колонизатор. Грузинским царем не надо было придерживаться пророссийской ориентации, а продолжать традиционную политику балансирования между Османской империей и Сефевидским Ираном. В грузинской историографии есть и другое мнение (М. Гогитидзе, Т. Мирианшвили), которое заключается в том, что пророссийский вектор был дорогой к Европе, сложный, противоречивый, но способный вывести Грузию к европейской цивилизации. [5, с. 106–114].

Два взгляда на развитие грузинской государственности и в этой связи отношение к России отражают характерные черты грузинского политического сознания, отраженные в «исторической памяти». В государственном и общественном сознании сохраняется дуализм восприятия власти культуры: противопоставление позитивного образа «героя-строителя» предателям-каджам. Дуализм восприятия власти отражает организм циклической смены национально-государственного единства и распада.

Как ни парадоксально это звучит, консервативная грузинская культура имеет выход на неолиберальные ценности глобализма, которые игнорируют ценности прошлого, живут только настоящим. Приоритет прав человека перед другими ценностями в сочетании с матримонимальным типом грузинской культуры делает клеточку «семьи» объектом манипуляции со стороны «патронов», выбор которых в свою очередь обусловлен сиюминутными потребностями «настоящего». В связи с этим «историческая память» препарируется на «зоны активного внимания, магического времени». Лимитрофное пространство заставляет ее правящий класс приспосабливаться к развитым, («патримо-

ниальным») цивилизациям. Это вырабатывает стереотипы поведения, с характерной «узостью пространственной ответственности», что вырабатывает особый национальный характер, отражающий границы реального и иллюзорного существования.

Азербайджанский культуролог Гасан Кулиев в поиске архетипов кавказской культуры отмечает особую стратегию жизни кавказцев, которая «способна заполнить их бытие иллюзорным настоящим и ограничить их текущее существование неопределенными прошлым и будущим» в связи «специфической ментальностью минимизировать потребность к рациональному (научному) устранению неопределенностей». Подчеркивается, что «колоритным индикатором типично кавказского отношения к иллюзиям и неопределенностям выступают ритуал» [7, с.151]. Стремление вырваться из неопределенностей, найти свой алгоритм характерно и для грузинской культуры. Г. Гачев особо выделяет ее способность создать иллюзорную картину мира, предстать в ином, высшем свете через ритуалы гостеприимства, побратимства, предписываемых этикетными, ментальными установками традиционной культуры [2, с.45–46].

«Историческая память» выстраивает такой образ картины мира, которая экстраполирует настоящее в иллюзорный «золотой век» прошлого, создавая иллюзию его присутствия и соучастия в делах современных «героев-строителей». Это служит средством преодоления неопределенности, разорванности, маргинальности времени, узости пространства. Грузинская культура в поиске своего внутреннего и небесного «патрона», чаще всего выстраивает свой алгоритм поведения на антиномии «меньшего зла».

Такова природа «исторической памяти» Грузии, ее изначальная антиномичность, что позволяет правящей ее элите выстраивать различные концепты политического поведения. Исходя из этих посылок можно предположить, каков мог быть «диалог культур-цивилизаций».

Историческая память – это не только интерпретация истории научными исследователями, но и то, что и как воспринималось народным сознанием. Об этом писал еще Н.Я. Марр в своих набросках о грузинской культуре. Это срез народного восприятия, «способ жизненного проявления» «живой истории», которая была отодвинута в сторону «ученым миром, клириками» [15]. С ним тесно связан процесс обмена культурными достижениями, восприятия элементов исторической памяти. Это организм диалога культур, цивилизаций, восприятия двойничества культуры, десакрализации первоначального образа, раскрытие его смысла, выявление культурных кодов, стереотипов восприятия, выявление глубинности, ядра, заложенного в каждой культуре и воспроизводимой через образы на различных социально-культурных срезах. В грузинской культуре присутствуют две культуры «культура элиты» и «глубинная культура». Первая выступает как маргинальная, ориентированная на «современность», на приспособление к «центрам цивилизации, ее патронам». Вторая – народная глубинная по своим основам, ориентирована на сохранении, трансляции прошлого, традиций, обычаев, образов, «примеров» на «настоящее». Рамки ее воспроизведения жестко контролируются в условиях «глобального демократизма» СМИ. Поэтому «историческая память» канализируется в Социально-политические блоки «магического» ущербного мировидения.

Геополитика стала определять события на Кавказе в XIX–XX вв. В начале XIX в. грузинские царства и кня-

жества вошли в состав Российской империи. Была потеряна не только самостоятельность государственности, но была ликвидирована и автокефалия грузинской православной церкви. Это уже был сильный удар по ментальности, всей системе духовнорелигиозной культуры, сохранявшей грузинскую (картвельскую) идентичность на протяжении веков, хранившей память о «золотом веке». Как отмечено в грузинской историографии, грузинская история дискретна, лоскутна, маргинальна, но «золотой век» (XI–XIII вв.) является ориентиром, моделью развития грузинской истории. Вся внутренняя история грузинского социума является борьбой за сохранение «автономии грузинского самосознания, менталитета».

Постсоветская история грузино-российских отношений является собой наглядный пример появления политических мифов, как отражение противоречивого процесса формирования национальных государств и международных систем отношений, таких как: «Грузия- древнейшая европейская страна», как «один из очагов зарождения человеческой цивилизации», «самый надежный мост между Европой и Азией».

Исследователь исторической политики в Грузии М.В. Кирчанов показывает, как на очищенное от советской идеологии историческое поле внедряются либеральными интеллектуалами мифологизированные нарративы о «Грузинской демократической республики как первой страны на периферии Европы, которая остается моделью демократии и в период оккупации» [6]. Налаживанию отношений между Россией и Грузией мешает политический, ментальный и психологический дуализм восприятия тех или иных фактов совместной истории, стереотипы восприятия, паразитирование на идеологии «меньшего зла». С другой стороны, отсутствие стратегии нормализации отношений у правящей элиты России, превалирование ситуативного подхода к решению конфликтных проблем с Грузией, обрекает их на застойное состояние [14]. Нам представляется, что в современном грузинорусском диалоге больше проявляются формы конфронтации с элементами манипулятивного. Идейной основой такого противопоставления является различие цивилизационных координат, принадлежности к различному культурно-историческому типу. Апеллирование к историческому прошлому, культурно-историческому наследию служит обоснованием различных ценностных ориентиров, моделей развития.

Результаты. Что не содействует грузино-российскому диалогу? Объективные факторы связаны с противоречивым процессом модернизации в постсоветском пространстве в условиях глобализации и поисками национально-государственной идентичности, т.е. созданием новых институтов и отношений, ценностей и норм, соотносённости их с традициями, консервативно-традиционной культурой. Идет противоречивый процесс смены идентичностей. Он далек от завершения, вызывает появление гибридных форм. Возникает вопрос: достаточны ли ресурсы национального развития в результате трансформации цивилизационных особенностей? А различия существенны. Россия «государство-цивилизация» с соборной культурой, могущая стать новым центром культур цивилизации, транзитом между Западом и Востоком. Грузия – евразийская небольшая страна, политическая элита которой избрала европейский вектор развития (Евросоюз и НАТО). Устремления в сторону европейского тренда подкреплены мифологемами

«древнейшей европейской страны». Находясь в окружении мусульманского мира, грузинская культура смогла сохранить свою самобытность, найти возможности «диалога культур». Это относится и к диалогу с русской культурой, культурами народов Кавказа. По сути дела, Тифлис-Тбилиси долгое время выполнял роль центра кавказской культуры, а русская культура – роль «духовного медиатора» в общении с европейской культурой, в значительной степени содействовала европеизации грузинской культуры, росту национального самосознания. Культурно-политические процессы, происходящие в постсоветском пространстве, и в частности, в регионе Кавказа, обнаруживают тренды формирования в плане концепции Валлерстайна новых «мир-систем». Одним из таких центров может стать Россия, как большое культурно-цивилизационное пространство, имеющее стратегические интересы на Кавказе. Южный Кавказ для России является не только буферным пространством, связывающим с Большим Ближним Востоком, но и культурным полем вековых традиционных взаимоотношений, исторической памяти. «Диалог культур» не только возможен, но он жизненно необходим, строительство новых взаимоотношений необходимо начинать на почве культурно-цивилизированных пластов, накопленных веками, на возрождении позитивной исторической памяти. Это позволит России вернуть роль и функции «духовного медиатора» в кавказском культурном мире, а Грузии занять достойное место в культурной сети модернизирующихся социально-политических субъектов.

Литература

1. Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб: Тип. А. Суворина, 1901. 322 с.
2. Гачев Г. Национальные образы мира: Кавказ. М.: Издательский сервис, 2002. 416 с.
3. Гурули В. От покровительства к аннексии. Тбилиси: Универсал, 2010. 42 с. (на груз. яз.).
4. Журтова А. А., Максимчик А. Н. Историография российско-кавказских отношений XVI-XVIII вв.: две концепции о осмыслении проблемы. Владикавказ: СОИГСИ ВКЦ РАН, 2017. 440 с.
5. История взаимоотношений России и Грузии в X – первой половине XIX века. Учебное пособие. Ставрополь: Изд. Еремин С. В., 2023. 400 с.
6. Кирчанов М. В. Историческая политика в Грузии. Грузинская историография и политика памяти между «изобретенными традициями и большими нарративами» // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 340–381.
7. Кулиев Г. К методологии поиска архетипичного Кавказа // Кавказ и глобализация. 2006. № 1. С. 143–153.
8. Нижарадзе Г. Грузинская культура: основные характеристики и сравнение с культурами Средиземноморья // Caucasus US. Контекст. 2003. № 1. С. 96–97. (на груз. яз.).
9. Перадзе В., Мумладзе Л. Очерки истории русско-грузинских отношений. Тб.: Изд. Бона Кауза. 2008. 360 с. (на груз. яз.).
10. Русский колониализм в Грузии / под ред. А. Бендианишвили. Тбилиси: Мецниереба, 2010. 210 с. (на груз. яз.).
11. К истокам против течения Междунар. симпозиум МАПРЯЛ / под ред. М. Алексидзе и др. Тбилиси: Тбилис. гос. ун-т, 2003. 442 с.
12. Саакашвили назвал русских «монголоидными варварами». URL: <https://topwar.ru/6362-saakashvili-nazval-russkih-mongoloidnymi-varvarami.html> (дата обращения: 16.07.2024).
13. Сулаберидзе Ю. С. К характеристике революции роз // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №1. С. 85–89.
14. Сулаберидзе Ю. С. Грузия в политике России // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №5. С. 66–75.
15. Сулаберидзе Ю. С. Н. Я. Марр – исследователь грузинской культуры. Культурно-историческая школа // Клио. 2012. № 4. С. 112–122.
16. Тлостанова М. Существует ли кавказское «сообщество смысла и чувства»? // Кавказоведческие разыскания. 2013. № 5. С. 175 – 188.
17. Центральный исторический архив Грузии (далее – ЦИАГ). Ф. 1505. Оп. 1. Д. 12.
18. ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 52.
19. ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 53.

References

1. Avalov Z. Accession of Georgia to Russia. St. Petersburg: Suvorin publ.; 1901. 322 p. (In Russ.).
2. Gachev G. National images of the world: Caucasus. Moscow: Publishorg Service; 2002. 416 p. (In Russ.).
3. Guruli V. From patronage to annexation. Tbilisi: Universal; 2010. 256 p. (In Georg.).
4. Zhurtova AA, Maksimchik AN. Historiography of Russian-Caucasus relations of the XVI – XVIII centuries: two concepts for understanding the problem. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after VI Abaev publ.; 2017. 440 p. (In Russ.).
5. History of relations between Russia and Georgia in the X – and first half of the XIX century: textbook. Stavropol: Eremin publ.; 2023. 400 p. (In Russ.).
6. Kirchanov MV. Historical politics in Georgia. Georgian historiography and the politics of memory between invented traditions and grand narratives] in Event in History, Memory and Narratives of Identity. Ed. by L.P. Repina. Moscow: Akvilon; 2017. P. 340-381. (In Russ.).
7. Kuliev G. Towards the methodology of searching for archetypal Caucasus. *Kavkaz i globalizacija*. 2006;(1);143-153. (In Russ.).
8. Nizharadze G. Georgian culture: main characteristic and comparison with the cultures of the Mediterranean. *Caucasus US. Context*. 2003;(1);96-97. (In Georg.).
9. Peradze V, Mumladze L. Essaye on the history of Russia-Georgian relations X–XXI century. Tbilisi: Bona Causa; 2008. 371 p. (In Georg.).
10. Russian colonialism in Georgia. Ed by A Bendianishvili. Tbilisi: Metsniereba; 2010. 210 p. (In Georg.).
11. To the origins against the current International symposium MAPRYAL. Ed. by M. Aleksidze et al. Tbilisi: Tbilisi State University; 2003. 442 p. (In Russ.).
12. Saakashvili called the Russians “Mongoloid barbarians”. URL: <https://topwar.ru/6362-saakashvili-nazval-russkih-mongoloidnymi-varvarami.html> (accessed: 16.07.2024). (In Russ.).
13. Sulaberidze YuS. On the characterization on the "Roze revolution": the nature of the political split. *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2007;1:89-90. (In Russ.).
14. Sulaberidze YuS. Georgia In Russian policy. *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2007;(5):66-75. (In Russ.).
15. Sulaberidze YuS. NYA Marr is a researcher of Georgian culture. Cultural-historical school. *Clio*. 2012;4:112-122. (In Russ.).
16. Tlstanova M. Is there a "Caucasus community of meaning and feeling?". *Cavkazovedcheskie raziskaniya*. 2013;(5):175-188. (In Russ.).
17. Central Historical Archives of Georgia (TsiAG). F. 1505. Inv. 1. D. 12 (In Russ.).
18. TsiAG. F. 1505. Inv. 1. D. 52. (In Russ.).
19. TsiAG. F. 1505. Inv. 1. D. 53. (In Russ.).